

Караман В.В.

Ритмы поэзии. Русско-японские параллели

**The poetic rhythms.
The Russian-Japanese parallels**

Баю – баюшки – баю, не ложись ты на краю,
А то с краю упадёшь и голову разобьёшь...

Такую, вот, песенку (или, примерно, такую) пели нам незатейливо мамы. А мы засыпали, под эту незатейливую песенку. Но вопросы: "А о чём вы думали под эту незатейливую песенку?", "Что чувствовали?", "Что промурлыкивали в ответ?" они (вопросы), так и остались вопросами. О чём думали, о чём пели? Пели, потому что пелось. А почему пелось? Да, стих такой нашёл! А-а-а-а!

Стих такой ... нашёл. А что же такое стих?

А это – ритм. Ритм – начало и продолжение, продолжение и завершение, завершение и начало. И снова – то же.

Ни для кого не новость, что всё в мире взаимосвязано – настоящее с прошлым, живое с мёртвым, сущее с запредельным, бесплотным, и всё на свете – неслучайно. Также, неслучайно и явление поэзии в нашей жизни. Даже если предположить, что у поэзии биологические корни, биологическая основа, то, появилась она даже не в те доисторические времена, когда первобытный человек сидел на берегу моря, глядя на набегающие волны и слушал ритмичный шум прибоя, а гораздо раньше, когда появилось, вероятно, первое, живое, то есть биологическое тело, полностью подчинённое ритму, заложенному в инстинкт и поныне являющемуся основой бытия, без которой всё живое и человек в том числе, погибнет.

Так, обезьяна, сидя на ветках, издаёт ритмические звуки, предупреждая сородичей о том, что наступило утро, она жива и остальные обезьяны могут не опасаться за своё существование, поскольку врага рядом нет [4, с. 76]. Или ритмично выстукивает дятел по дереву, поддерживая свою жизнь, добывая пропитание и, задетый обратным эффектом этого

ритма. Или кукует, кукует себе кукушка и ритм её кукования не удлиняется и не укорачивается ни на секунду, просто прекращается в своё время, предоставляя нам возможность наслаждаться другим ритмом, может быть вызванным заячьим топотом, может быть топотом копыт скачущих в лад диких коней. И прочее и прочее.

А что происходит с нами, когда нарушается сердечный ритм и наступает аритмия? Нередко – смерть, как завершение жизненного ритма и наступление иного ритма уже по ту сторону жизни.

Когда, на каком этапе человеческого существования внезапный сбой в сердцебиении вызвал ещё не строчку, а лёгкий выдох, ритмичный шум, звон в ушах от внезапно увиденного или долго ожидаемого чарующего явления, чтобы укрепиться ещё не на бумаге, а в сердце первого поэта стройной строчкой, столь прекрасной, что сразу вызвала и вторую, подкрепляя сказанное неожиданной мыслью, а потом и третью и т. д. и т. д., пока не сложилась вдохновенная песнь поэтического сердца, потрясённого прекрасным или ужасным видением.

Этот заданный сердцу ритм остановить уже невозможно и вот гигантская волна творчества (опять же ритмическая) захлестывает, наступает тех, кто особенно способен увидеть и красоту и ужас жизни ("строчки с кровью убивают" Б. Пастернак) и, обладая даром отразить в словах все движения потрясённой души, ("зажечь глаголом" А. Пушкин) другие души, понимает, что "если мир раскалывается пополам, то трещина проходит через сердце поэта". (А.Блок)

Если вспомнить прекрасные творения далёкого прошлого, то иллюстрацией такой гигантской поэтической волны может служить одновременное возникновение памятников поэтической мысли в разных странах. Кроме как ритмом, чем ещё можно объяснить одновременное появление нескольких гениальных произведений разом в нескольких местах земного шара. Особенно прекрасен XII век [7]. Это и автор "Слово о полку Игореве", и Низами, Хагани, Аль-Харири, Руставели, и Вальтер Фон дер Фогельвейде, и Нерсес Ламбронаци, Иехуда Галеви, и Фудзивара Тэйка.

Если говорить вообще, то литература в целом и поэзия в особенности, являются первым связующим и даже формирующим нацию началом. Противостоять поэтической мысли очень трудно. Если она, мысль, глубока и выражена не просто добротой, но и вдохновенно при этом, ей может покориться даже самое заскорузлое сердце, ибо опять же – ритм, в одно и то же время и бодрит и успокаивает. Насчёт простой и заскорузлой души сомнений, может быть, и нет; и подлости в этом случае не предусматривается, но, владея людскими сердцами, поэты и поэзия всегда были и объектом поклонения, и жгучей неприязни, и лютой ненависти ("Кто кончил жизнь трагически – тот истинный поэт...")

Не касаясь того, о чём уже говорилось в мировой литературе, попробуем сопоставить ритмы давным-давно ушедших времён, а именно, ритмы русской и японской поэзии.

Для меня русская поэзия начинается со "Слово о полку Игореве". "Слово..." произведение поэтическое, целиком проникнутое ритмом, недаром, обращаясь к нему авторы хотят именно сделать его поэтический перевод.

...В японской поэзии начать всего лучше, пожалуй, с "Манъёсю", одной из трёх самых крупных антологий классической японской литературы начала VIII века, стихи которой впоследствии стали представлять собой пятистишие, называемое "танка" и трёхстишие – "хокку". Формы, которые при всей древности своего существования продолжают жить, развиваться и задавать тон в современной японской поэзии.

Хотя поначалу песни-стихи были достаточно длинными:

Облетели
 лепестки у вишни,
 и мечтал напрасно я, что буду
 украшать себя её цветами,
 лишь пора весенняя наступит...
 всякий раз, как расцветут цветы
 вишни розовой, что носит
 имя милой,
 вечно буду вспоминать о ней
 и любить сильнее с каждым годом...

И танка и хокку – сугубо японское стихосложение, поэтому сложению стихов такого плана были подвержены люди не только знакомые с грамотой, не только просто талантливые, но и все те, кто любил стихи и поэзию и любил поразить "красным словом" ближнего. То есть, какая разница, тринадцать человеку лет или тридцать, если его сразил ритм собственного сердца, усиленный услышанными или прочитанными, затронувшими сердце, звуками, словами, ритмом произнесённого стихотворения. Ведь, что касается "Манъёсю", то там и собраны представители самых разных сословий и судеб. И кого там только нет: и служивые, и чиновники, и правители, и нищие всякого толка. И многие стихи антологии "Манъёсю", как и прочие стихи "танку" и "хокку", сохраняются в веках, поскольку для всех поколений носителей языка они остаются родными и понятными, никто не вероломствовал и не изменял сути избранного рисунка – ритма национального языка [9].

"Манъёсю" – песенная поэзия, то есть целиком народная, основанная в целом на ритме. Как то обычно бывает, всё движется от общего к частному и вот, постепенно, мало-помалу, то есть, слово за словом, общее нивелируется и возникает частное, то есть, обозначенное собственным именем слово или строчка, или двустихие, или трёхстишие, или всё то же пятистишие или длинная песня как, например, у Какиномото Хитомаро о любви и разлуке – и вот мы уже располагаем именем, в своё время, может быть очень известным и, Слава Богу, можем уже обозначить абсолютные индивидуальности.

У поэтов, сколько их не было бы, ритм сердца совпадает с ритмом сердец народных, а то: Какиномото Хитомаро, Отомо Табито, Яманоуэ Окура, и др. да не сосчитать...

Ах, сколько ни гляжу, не наглядеться мне!
 Прекрасны воды рек, что в Ёсину струяться,
 Конца не зная...
 Также без конца
 К ним буду приходить и любоваться.

(Какиномото Хитомаро)

Если в мире суеты
 На дороге всех утех
 Ты веселья не найдёшь,
 Радость ждёт тебя одна:
 Уронить слезу спяня!

(Отото Табито)

Придёт весна,
 И первыми цветут у дома моего
 Цветы душистой сливы...
 Ужель совсем один, любуясь ими,
 Я буду проводить весною дни?

(Яманоуэ Окура)

Проведём параллель с многоликой и многосложной русской поэзией. Нам очень повезло с великолепием окончаний и с невероятным многообразием рифм [8, с. 141].

Вся в снегу кудрявом, благовонном
 Вся-то ты гудишь блаженным звоном
 Пчёл и ос завистливых и злых...
 Старишься подруга дорогая?
 Не беда. Вот будет ли такая
 Молодая старость у других?

(П.А.Бунин)

Какое б счастье или горе
 Не пело в прежние года,
 Метафор, даже аллегорий,
 Я не чуждался никогда.
 И ныне замечаю с грустью,
 Что солнце меркнет в камышах,
 И рябь чашуйчатее к устью,
 И шум морской уже в ушах.

(В.Н.Набоков)

Но кроме того, что в нашей поэзии есть рифмованные стихи, в ней есть и верлибр, и белый стих. Верлибр родился во Франции во второй половине XVIII века, но прижился и в Германии (И.В. Гёте, Г. Гейне, И.К.Ф. Гёльдерлин) и в Великобритании и США (У. Блейк, У. Уитмен и др.) Также, во всей европейской поэзии есть и рифмованные стихи.. Но, к примеру, возьмём французскую: при очевидности одинаковых окончаний слова читаются по-разному, то есть, рифмы существуют только на письме. Но не в звуке!

А в японской поэзии рифма вообще отсутствует, как таковая [1, с. 17]. Впрочем, это было свойственно и поэзии Эллады и поэзии Древнего Рима. Но и те стихи, читаемые нараспев за чашечкой чая или у пылающего очага в Японии, или в богатых палаццо в Древнем Риме, содержащие мысль и ритм, не переставали быть стихами и поэтов и слушателей (которые нередко сами становились поэтами) волновали этой мыслью и зачаровывали ритмом, так свойственным самой природе живой души.

В прозаическом произведении не всегда найдёшь, например, описание природы или времён года, а в стихотворении – сплошь и рядом. Но природа и времена года – это же опять ритм. Зима сменяет осень, весна – зиму, весну – лето, лето – осень и повторяется круг. Цветы подснежники, сменились ландышами, потом ромашками, потом подсолнухами, астрами, георгинами, хризантемами...и всё, всё это должно было стать и остаться стихами, ну, поскольку ритм и поэзия – суть одно и то же. И остались. В русской поэзии редкий поэт проходил мимо весны или осени. Зимы или лета:

Чтоб вошла рачительной хозяйкой.
 В снежные лесные терема.
 Щеголиха в белой разлеталке –
 Русская румяная зима...

(Д.Б. Кедрин)

В японской поэзии, касается ли она средних веков или стихов нового времени любой поэт касался этой темы. Более того, все поэты непременно упоминали все времена года, в любой поэтической книжке были разделы по 4-м временам года. И в каждом хокку (хайку) есть упомина-

ние о том или ином времени года.

"Осень":

Прохладная ночь.
Луна как будто бы дремлет
В пруду прозрачном.

(Рюсуй)

"Зима":

Зимнее поле.
Вдалеке запоздалый жнец.
Солнце садится...

(Гёдай)

"Весна":

Ливень весенний –
Как же преобразился мир!
Как стал прекрасен!

(Тий-ки)

"Лето":

Лето в горах.
Соловья, фазана, кукушку
Отрадно слышать...

(Исса)

Но стихов, имеющих в виду только лишь природу и ничего более, никаких других чувств, в природе нет. Поэзия не зоология и не биология. Значит, обязательно должно присутствовать что-то ещё, то, что находится на кончиках пальцев у художника, нужная краска в нужное место – и картина готова. Значит, и не случайно то, что в природе всякого талантливого произведения, в нашем случае, стихотворения должна лежать мысль, чувство, одухотворённая эмоция. Только в таком случае она может воздействовать на чувства, мысли, эмоции других людей. (Этот феномен тоже заслуживает изучения – в самом деле почему в конце концов прекрасное и настоящее всё-таки находит своих ценителей, даже если творцов давным-давно уже нет на свете?).

Здесь, наверное, уместно поговорить о традиции.

Что же это такое, традиция? На самом деле это рутинное воспроизводство чего угодно. Кто-то хорошо шьёт, кто-то хорошо пишет стихи. Вот как шил, пусть так и шьёт. Вот как писал, пусть так и пишет. Конечно, правильно. Пусть! Но, тем не менее через поколение, если не в следующем всё-таки появлялся "урод", коверкая, на взгляд умудрённых опытом и признанием поэтов и правителей, наработанное и приобретённое в веках умение и знание и опыт, и делал своё, убогое и непонятное никому... Так движется живое, совершается эволюция, история, так продолжается жизнь и, как ни странно, традиция. Опять всё те же волны. Всё тот же ритм. Всё необходимо – и традиция и революция. Традиция позволяет нам, не начиная заново, откорректировать наш земной путь (ну, в самом деле, не учиться же нам снова ходить на ногах, говорить и пр.), она же (традиция) даёт нам возможность сохранить всё, что нужно сохранить и всё, чем можно обогатить общество. А это – потенциалом, обогащённым, в свою очередь, новыми знаниями, умениями и опытом, добавляя свою, иногда очень весомую изюминку. Но знания, умения, опыт, мало того, что дело наживное, ещё и у каждого своё. При этом, можно себе представить, что дело поэта (который о вышесказанном вовсе не задумывается)

это сказать своё, ещё может быть никем не слышанное, но уже осуждаемое и, конечно, в будущем осуждённое многими слово. Само по себе – это доблесть, но опять же поэт, как и всякий человек, заявляя о своих правах, не думает об этом, как о геройстве, он просто так прост, просто так жив и другое ему неизвестно. Но традиция! Не сродни ли она условному рефлексу Павлова? Может быть, да... Проявляя свои и лучшие и худшие стороны живёт традиция. Как море, волны, переменный ветер, речь. Течёт, изменяется, как всё живое. Только век её жизни измерить трудно. Он у каждого свой. Он свой у каждой традиции. Как у народа. Здесь свои приливы и отливы. Свои волны.

Здесь также стоит ценить преемственность. Пушкин вырос не на голом месте. Другое дело, что, будучи по своей природе высшим существом, он старался сохранить и приумножить русские традиции, своим стихом помогая этому. Да, они сохранены были. Но, ведь, то, что сделал он – новаторство, подвиг и продвижение вперёд, то есть, шаг. (Шагнул вперёд и поплатился. Жизнью. А чего не жалеть всего?)

Но, возвращаясь к тому, что уже сказано, можно удостовериться, что только человек, преданный традициям, может менять их, ибо он любит и знает свой язык, понимает, как он гибок, знает законы своего языка, а стало быть, и уважает законы любого другого языка. Недаром Н.В. Гоголь писал о стихах Пушкина в своих "Арабесках": "Здесь нет красноречия, здесь одна поэзия: никакого наружного блеска, всё просто, всё прилично, всё исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; всё лаконично, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов немного, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства..."

Я вас любил: любовь ещё быть может.
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит:
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно.
Как дай вам бог любимой быть другим.

(А.С.Пушкин)

Всякая душа содрогнётся, прочитав это. Казалось бы. А, вот, не содрогнётся, потому что это уже давным-давно ей, душе, сказано всё это её же, души, словами. Мы давно забыли, что говорим на языке Пушкина, нашего прародителя по облику (обличию) своему – негра, по настроению – язычника, по вероисповеданию – христианина, по языку – русского, конечно же, русского, раз уж речь зашла о стихах. Поэт пишет на своём языке! Но снова хочется вернуться к нашей заскорузлой русской душе. То ли это в минус ей, то ли в плюс. Ну, говорит она словами Пушкина. Он вообще у нас с языка не сходит. Ну, а какой пиетет может быть к родному отцу? Он же родной, простит! Вот и коверкаем, как можем, родной язык.

Первый вскрик явившегося на белый свет ребёночка:

– Мамочки, бабушки, отойдите. Да, лучше вас никого на свете нет. Но, сделайте и нам хорошо, явите такую божескую милость – отойдите!

Лучшие из бабушек отходят, ну, а с остальными – возня. Как часто говорят: народ мельчает, теперь ещё больше прежнего. Но, невзирая на все пакости бытия...

"Подружка дряхлая моя..."

– продолжить можно, но мы-то знаем, что продолжение и так есть...

Обозначим своё возвращение к "Манъёсю" – древнейшему памятнику японской письменности, тому, что относится к восьмому веку нашей эры, именно в которой и зафиксирован переход от песни к авторской поэзии. И от "песен Ямато" – японских песен поэты Страны Восходящего Солнца прошли долгий путь. Начиная с "Манъёсю" чеканится основная форма японского стиха – пятистишие и определяются поэтические приёмы. Как уже было сказано, уже на первых этапах своего возникновения японская поэзия заявила о своём пристрастии к краткой форме:

Жизненное пространство в Японии небольшое, нужно использовать каждый миллиметр его с пользой, то есть на меньшем пространстве уложить как можно больше смысла. Не потому ли в Японии, как ни в какой другой стране так приняты малые формы поэтического произведения? Не отсюда ли это явление "танка", которая показалась японским поэтам громоздкой настолько, что они пришли к появившейся к 17 веку форме хокку (хайку). В "танке" пять строк, в хокку (хайку) – три.

Однако лаконичность японского стиха компенсируется насыщенным подтекстом, глубоким смыслом и яркой образностью.

Фудзи – гора,
Осеннее небо пронзая,
Вздыхается ввысь.

(Оникура)

Или:

Очарованы флейтой,
Набегают волна за волной.
Осень в бухте Сума...

(Бусон)

Или:

Фудзи скрыта дождём.
Вижу кроны деревьев цветущих –
Персики в долине...

(Дакоцу)

Древняя поэзия "Манъёсю" опирается на древнюю народную песню. Здесь песенная стихия, здесь ритм, всё тот же завораживающий ритм, который ведёт в конце концов к выработке определённых приёмов. С возникновением письменности все эти приёмы были закреплены графически.

Японские поэты очень часто были и художниками. Иногда, встретившись с поразившим воображение явлением, необычным видом какого-нибудь ландшафта, мало ли чего, поэт писал своё стихотворение и украшал его рисунком или каллиграфической надписью или наоборот, нарисовав что-либо украшал сделанное стихом. Так или иначе в японской поэзии поэт находится внутри природы, является его неотделимой от неё частицей, что очень отличает его от европейского поэта.

Японский поэт природный философ. Из муравья, ползущего по земле, из лепестка вишни Ёсино, из осенней листвы Тацута творит он свою вселенную, не боясь раствориться в ней, растаять, ибо сам он частица этой вселенной.

И эта жизнь с природой заодно никогда не заканчивалась с новым этапом развития японской поэзии, с появлением новых антологий, развитием старых приёмов и созданием новых. В японских стихах не найдёшь прямого обращения к любимой, всё здесь делается опять же через обращение к природе:

Подует ветер,
И разделённое горной вершиной,
Белое облако исчезает / бесконечно жестоко
Сердце твоё...

(Мибу Тадамитэ)

Конечно, поэзия последующих времён и при этом антология "Кюкинсю" – вещь гораздо более деликатная, чем "Манъёсю", Ну, а как же, сын, перебравшийся в город от деревенских неграмотных родителей! И начинается усложнённость, то есть опять поиски себя, чтобы своё, собственное сказать... Скажут. Но от чего оттолкнутся? Традиция! Волны. Ритм...

Стоит сказать несколько слов о поэзии рэнга. Хотя проще вернуться к хайкай, которая прошла несколько этапов в своём развитии. А поэзия, как говорил Мацунага Тэйтоку, находится где-то "между хайкай и рэнга", а проще говоря, разницы между ними и не было. Рэнга – поэзия комического плана и приближена к народной речи, что не мешает ей оставаться пленительной.

Завяны снегом,
Ярче алеют опавшие листья
На горной траве!

(Сёхаку)

В студёной росе
Отразилась луна
Светом иным.

(Комё)

Неведомое томит
В раздолье полей.

(Соги)

Но что бы не диктовал этикет и нормы традиционного письма поэтам, новое потихоньку набирало силы. Отсюда и смелость заговорить о сокровенных чувствах, а если заговорить, то и новую форму представить в полной красе. Но, ведь сказано, что новое – это хорошо забытое старое и потому опять традиция, основанная на ритме...

Из сборника "Соломенный плащ обезьяны":
Нанизанные строфы (ханкай-но рэнга)

В городе нечем вздохнуть.
Бродят душные запахи...
Летней ночи луна.

(Бонтё)

Сбиравшая травы женщина
Роняет из рук фонарь.

(Босё)

Печально бредёт поводырь,
К своей обезьяне привязан...
Осенняя светит луна.

(Босё)

Отделять поэзию Японии от поэзии других стран вряд ли прилично, но ритм, как начало традиции, законен для всех. И если более рафинированные европейцы пошли дальше, как крестьянские отпрыски из деревни в город, презирая и ненавидя всё, что их породило, то восточные народы и японцы, в частности, не забыли о своей кровной связи с зем-

лэй, с земным ритмом не надуманным, а природным и потому стих их полон той гармонии и лада, что присущ самой природе, даже если она свирепа, "аки лев рычащий".

Зимняя буря –
Часто-часто от страха моргает
Кошка в уголке...

(Ясо)

В своё время каждый задумывается о временности своего земного пребывания на свете. Не потому ли и возникла мысль запечатлеть его (своё пребывание) в рисунке ли, в стихотворении ли. Конечно, природой заложено прямое воспроизводство себя в своих потомках, но, так правило, люд на этом не останавливается. И начинается строительство (стройка себя, своих, чужих – избыточное чувство). Это строительство не всегда открыто, но всегда эмоционально. Мы по – наивности полагаем: я подумал, я сказал, значит должен быть понят. (А наивные, это первобытные, необученные временем и жизнью, а может быть и тайно от себя самих укрывающиеся от "стать обученными"). И возникает произведение, которое казалось бы понимает только автор, но у него найдутся читатели и слушатели – те у которых ум и ритм совпал, уже потом с напластованием образования и знаний начинаются разночтения. В связи с этим с всегдашним пиететом к японской поэзии автор обращается к сокровенной красоте – понятию, которое каждый открывает сам для себя. Здесь опять же, как бы мы не старались что-то переиначить – вероятная связь с природой (она же и ритм, далее – традиция).

Как бы не отгораживалась та или иная страна от внешнего влияния, но, говоря словами марксистского классика, "жить в обществе и быть свободным от общества нельзя" и влияние другой культуры, другой поэзии всё-таки было, пусть каким-то необычным путём. Но это случилось. И поэтому обозначилось другое – мистически-эстетическое освоение мира (у нас в России оно началось чуть раньше явления А.А.Блока). Началась туманность, недоговорённость, одно из излюбленных состояний символиста – у японцев это:

Как я когда-то ласкал
Чёрные волосы любимой!
Каждую, каждую прядь
На одиноком ложе моём
В памяти пребираю.

(Фудзивара Саданэ)

То есть, происходит явление, которое обозначается как "от общего к частному" хотя это явление опять же "волна", было это, было...и поэт начинает идентифицировать себя, как личность. Но это эволюция и не понимать этого и препятствовать этому верх первобытности. Хотя не будем оскорблять первобытное общество – мы не знаем, каким оно было.

Все замечательные поэты эпохи создания "Синкокинсю", а это Сайгё, Сёкуси-Найсинно, Фудзивара Саданэ и др., как полагается первопроедкам, сделали прорыв и, вслед своим замечательным предшественникам, определившись в антологии "Коккинсю", воссоздали красоту осени но, ведь, кроме того, и грубо пометили тщетность земных желаний, да ещё и помыслили о тщетности всего сущего, то есть прекрасного...

Как подумаешь, всё подчиняется ритму...Но ведь это почти наука. А красота? А поэзия?..

Как бы там не было, поэзия процветала, будучи загнана куда угодно. А это ритм и чуть позже – рифма.

Вы встречали когда-нибудь человека ни с того, ни с сего говорящего в рифму? Ну, что вы, это же неприлично! Как я могу с таким быть знакома? А напрасно! Это твой прародитель. Просто где-то – за тобой не успел... А если бы за тобой, быстроногим, успел, где был бы он и где вы? В природе всё уравновешено. И человек спешит за тем, что уже сделано. Он тому следует. Этим обозначены и неоправданные человеческие пошутки. И, слава Богу, всё это есть в поэзии.

Сколько бы мы не говорили о научном подходе к пятистишиям, трёхстишиям японской поэзии, всё-таки нужно вернуться к поэзии собственно.

Однако грешить и обижаться на последующие японские антологии не нужно. Они дали нам, во-первых, поэзию нанизанных строк, тем более, что в Европе в это время давно пятистишие стало распадаться на две строфы: трёхстишие и двустишие, во-вторых поэзию праздного порядка (в разных видах она встречается в своём неорганизованном виде у представителей всякого класса) и в третьих, смеем надеяться, она является современной нам японской поэзией.

К пятнадцатому веку поэзия нанизанных строк набрала силу и наступило великолепное для исследователей время – стало возможно говорить о стихе, как об эмоционально-смысловом единстве. Появилось множество тождеств, а также преподавателей, умевших или не умевших следить за развитием рэнга. Кто-то преуспел в этом, кто-то нет, однако все старались, чтобы правила соблюдались. То есть от привычного к привычному, так спокойнее и безопасней. Новое всегда таит в себе что-то пугающее. Однако хотим мы того или нет, оно приходит и заявляет свои права на жизнь.

Так же и с хокку. Уже в XVI веке появляются сборники, состоящие целиком из хокку, невероятной красоты поэтической формы, предусматривающей внутреннюю энергию строки, будящую воображение, вызывающую желание домыслить всё, что недосказано. Одно и то же стихотворение можно читать сто раз и находить каждый раз в нём всё новые и новые краски. Эта форма, как никакая другая, создана для собеседника, слушателя, читателя, любому человеку, сопереживающему автору. Не вдаваясь в тонкости японского стихосложения, повторюсь – в этих стихах много слов – символов, слов – сигналов, помогающих нам определить, о чём идёт речь. У каждого народа свои ассоциации с миром людей и вещей. Естественно, предполагалось, что у поэта и его читателя единый культурный уровень и они могут быть сотворцами. Скорее всего так всегда и было, иначе не видать бы (не читать бы) нам хокку по сей день. Ну, например:

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.

(Басё)

Нет хозяина дома.
И даже слива цветёт сегодня
За изгородью чужой.

(Басё)

Сорвал пион –
И стою как потерянный.
Вечерний час –

(Бусон)

Здесь сигнальные слова – лягушка – олицетворение весны. Слива – то же весна. Пион – лето и т.д.

Хоть и говорит китайская поговорка: "Кто нигде не бывал, вернул-

ся отовсюду", эта великая истина никак не относится к Мацуо Басё, который буквально исколесил свою страну вдоль и поперёк и оставил нам в наследство свои замечательные путевые записки, сплошь усеянные, как жемчугом, замечательными хокку. Так и предполагалось, тот кто хочет писать хокку, должен постранствовать, накопить впечатлений и умения и вообще обзавестись сумой нищего, чтобы было куда собирать россыпи алмазов, коими усеяна вселенная [10]. (Интересно, что наш Велимир Хлебников тоже ходил с мешком, набитым стихами, извлекая из него то одно стихотворение, то другое по мере надобности. И расправился – то со своим мешком, как поэт, сжёг, чтобы согреть незнакомого человека).

Хокку – вещь народная. Сродни анекдоту. Только по большей части грустному. Ну, если не анекдоту, то афоризму, пословице, что ли. Как бы то ни было, трудно представить себе человека, не откликнувшегося на точное, меткое слово, ведь оно всегда вызывает восторг... И как прав был слушатель Восточного Института подъяесаул В. Мендрин переведший в 1904 году "Историю японской литературы" В.Г. Астона на русский язык и отметивший, что Астон рановато похоронил этот жанр [2, с. 198]. Верно сказанное слово не может не отозваться в другом сердце, ведь всякий знает и грусть осеннего сада, и боль потерь, и одиночество, ведь всякий может почувствовать смятение и горечь от того, что сжигают последнюю осеннюю листву и увидеть туманную дымку над рекой, и журавлей, уплывающих вдаль и загрустить при этом. Всё это внятно человеческому сердцу. А поэзия хокку на то и настроена, вот потому и жива, как сама жизнь...

Слово скажу –
Леденеют губы.
Осенний вихрь!

(Басё)

Ну, чем не пословица? Или:
Вот выплыла луна.
И каждый мелкий кустик
На праздник приглашён.

(Исса)

Ну, кто из нас не пасовал перед жизненными трудностями и как хотелось нам при этом хотя бы маленькой радости и он нас понял, поэт.

В поэзии хокку оставили след многие замечательные японские поэты. Это и Мацунага Тэйтоку, и Басё, и Сико, и Кэкай, и Бусон и Тайро, и Рёта, и Фухаку, я же хочу сказать о трёх моих любимых японских поэтах, о трёх мушкетёрах японского пера: Басё, Бусоне и Исса.

Роль Басё огромна в истории японской поэзии. Каждый грамотный человек в Японии знает своего поэта, более того, как это бывает со всем великим, оно просто вошло в жизнь каждого так обыденно, что и заметить это перестали. Природа, опять же. Скоморошество и словесная чепуха отброшена и поэзия хокку предстала в своём настоящем, полным глубокого значения и необычайной красоты виде.

За весь долгий день
Ещё не нащебетался –
Ах, жаворонок!

(Басё)

Тихо лошадь трусит.
Будто вижу себя на картинке
Средь летних полей...

(Басё)

Ясная луна.
У пруда всю ночь напролёт
Брожу, любуясь...

(Басё)

Петух прокричал.
Зимний дождь барабанит по крыше.
Притихли коровы в хлеву...

(Басё)

Самое ценное в поэзии Басё, то что он, будучи гением, ни секунды не заикливался на этом, едва ли, будучи поистине великим, даже со-знавал, что это так, понимая, что велика природа в целом, а все мы её частицы, иногда очень крупные. Как бы не была тяжела жизнь, она пре-красна и прославлять её нужно каждый божий день (что он и делал).

С уходом Басё поэзия хокку замерла, но ненадолго, поскольку рож-дена была на долгие века. И вот явился поэт, он же художник, огромно-го таланта. При нём хокку засверкало неожиданными и очень яркими красками. Правда, признание к нему так и не пришло при жизни. Но настоящего художника это и не тревожило. Он был романтиком и с этим жил. Он сродни нашему художнику К.А. Сомову, так же готов одеть весь мир в маски и верить, что этот мир реален.

Однако также, как Сомов, он умел одним мазком сделать картину реальной для всех и прозрачной, как вид в окне.

Зал для заморских гостей
Тушью благоухает...
Белые сливы в цвету.

(Бусон)

Вот лягу я спать,
А наутро проснусь и увижу –
Новый Год на дворе!

(Бусон)

Летняя гроза.
К траве испуганно жмутся
Воробьи в деревне...

(Бусон)

Очарованы флейтой.
Набегают волна за волной,
Осень в бухте Сума...

(Бусон)

Зимний дождь – в полутьме
На закате квакает жаба
Тоскливо. Глухо...

(Бусон)

Нежнейшей души поэт Кобаяси Исса жил и творил свои бессмерт-ные хокку в конце восемнадцатого начале девятнадцатого века. Особен-но в его стихах нас привлекает невероятная любовь к природе. К его поэзии нас привлекает также его понимание жизни и скорби всякого существа, будь он хоть муравьём, хоть лягушкой. Исса – великой души человек.

Новый год на дворе –
Вот она, долгожданная радость!
Голубое небо...

(Исса)

С этого дня
Все вы можете спать спокойно –
Вы в Японии, гуси!..

(Исса)

Ничегошеньки нет
В моём доме – только прохлада
И душевный покой...

(Исса)

Диву даёшься до какой степени человек может соответствовать своему предназначению. Исса – исключительный для исследователей слу-чай. Чистейшей воды природа. Так любить и понимать природу и быть ей признательным за всё! Жизнь с ним обошлась круто. Но мы-то зато каким богатством обладаем!

Если явится вор,
Вы лягушками обернитесь,
Прохладные дыни!..

(Исса)

Рой комариный –
А ведь если б он тут не жужжал,
Было б скучновато!

(Исса)

Плачет, плачет малыш –
Просит поймать ему в небе
Шарик луны...

(Исса)

Лист опавший поймал
И лапкой прижал осторожно
Смешной котёнок...

(Исса)

Никнет бурьян –
Низко-низко склонились метёлки,
На глазах холодает...

(Исса)

Месяц на небесах
Будто скорчился весь от мороза –
Похолодало...

(Исса)

Даже военные песни *гунки* (особенно трагической первой полови-ны эпохи Сёва) или *дзисэй* – стихотворение слагаемое самураем перед смертью не содержат в себе ни чего военного и ужасного, а просто го-ворят о любви к отечеству и печаль что не вернуться те, кто "опадет как лепестки цветущей вишни...". [5, 495; 3, 241].

Как-то, пребывая в Интернете, я наткнулась на старую японскую хронику [11]. Кадры сопровождались песней, пленившей меня необы-чайной красотой. Это была песня лётной школы *камикадзе* (同期の桜). Бежали молодые ребята в белой форме, маршировали, провожали оче-редную группу в полёт, а вслед им неслась неземная мелодия. И слова:

貴様と俺とは 同期の桜
同じ兵学校の 庭に咲く
咲いた花なら 散るのは覚悟
見事散ります (しよ) 国の為

Кто я и ты? Лепестки цветущей вишни.
 Такие же, как цветы в саду нашей морской школы.
 И когда они отцветут,
 Лепестки опадут над нашей страной...

Всё в чисто японском духе. Ничего не сказано впрямую, но везде горьковатый и чарующий подтекст: мы уйдём, но вернёмся, пусть в другом виде, потому что мы – дети природы, мы часть её.

Плоть и кровь одна.
 Но природа может разделять её
 И создать новое...

Горьковатый и чарующий – философский – подтекст, отвечающий всему душевному устройству японского поэта.

Всё делается даром. Великие Босё, Бусон, Исса всё-таки сделали своё дело – пробудили, что и свойственно великой поэзии, чувства, обучающие обычного земного человека...

Если возвратиться к японской поэзии вообще, то силу стиху придаёт чувство, в стихе оно весомо и значимо. Как во сне, где всё на подсознании. Такое впечатление, что японские поэты никогда не выходили из своего поэтического восприятия мира. Ну, посудите сами:

Из сердцевины пиона
 Медленно выползает пчела...
 О, с какой неохотой!

(Басё)

Так, ведь, это глубокомыслие Басё сочинил выходя с посиделок у друга.

Так и хочется вскрикнуть: – Кто же за ними записывал?

Кто записывал? В Японии своя азбука.

Иероглифика – вещь особая и своеобразная. Но до неё были рисунки.

– Быки, смотри, быки! –

Кричала маленькая девочка своему папе-учёному.

Да, так была открыта живопись людей древнего каменного века [6]. Кто знает, что мы приобрели бы, если б сохранилась и их поэзия?

Мы смеёмся над современными нам, неумными путешественниками, которые побывав где-нибудь на знаменитой горе, скале, а то и просто в парке на скамейке, оставляют там свои имена, начертанные мелом, вырезанные ножом. (Маша и Коля были здесь). Им всё равно, кто прочитает это и когда, но ради чего пишется-то? А в забвение не хочется уходить. И каждый оставляет после себя то, что может в силу своего ума, таланта, знаний, общей культуры. Не те ли же чувства владели нашими пращурами, когда они оставляли в пещерах, на скалах свои рисунки, стремясь увековечить себя, не дать уйти себе в никуда, не поделившись с потомками своими впечатлениями о жизни. Всё это с веками менялось, совершенствовалось, приобретая постепенно тот вид, который теперь имеет письменность того или иного народа. В этом смысле русская письменность представляется мне самой удачной из всех и спасибо мы должны сказать за это нашим славным предкам Кириллу и Мефодию. Та письменность, которой владеем мы сейчас, даёт нам возможность передать все оттенки мыслей и чувств да ещё и эмоционально украсить свои творения соответствующими и очень говорящими знаками препинания.

Что же касается японской азбуки, то творцами её были, конечно,

художники, они же поэты (иногда только в душе), они же философы. Вот почему, когда я смотрю на японский текст, я вижу фигурки людей или животных. Девушка, закутавшись в кимоно, под порывами ветра спешит на свидание к милому, навестить старых родителей, накормить ребёнка, или рыбак на лодчонке спешит наловить рыбы и вернуться к ожидающей его семье или кошка, ловящая снежинки в самом начале зимы или птичка, долетевшая почти до облака. От этой азбуки становится тепло, но и тревожно, как за всё хрупкое, как за произведение искусства, которое надо беречь и лелеять, чтобы радость от прекрасного сопровождало каждого человека всю жизнь, вселяя в него веру в это прекрасное, наполняя его жизнь смыслом и светом. И родились такие стихи:

Мне ночью снилась Хирагана
 В облике девицы-красы
 В глубоких ссадинах и ранах...
 Почивший враг у ног босых...
 Снежок ложился ей на ворот,
 Тоска глаза заволокла...
 Вдали виднелся древний город,
 Разрушенный почти дотла.
 И поднималась в небо стая
 Бесплотных белых журавлей,
 И опускалась тьма густая
 На сад причудливых камней.
 На эти пагоды и кущи,
 На дрожь разбуженных ветвей.
 Ложилась пагубней и гуще
 На символы людей бегущих,
 На азбуку души моей...
 О Хирагана... Хиросима...
 Как будто жизнь невыносима,
 Всё мчимся мы к иному свету...
 А смерти – нету,
 Пока слова произносимы...

Ритму подчиняется всё неживое и живое в природе. Приливы и отливы волн, на которые влияет луна; вспышки на солнце, смена времён года, смена дня и ночи. И человек и общество и процессы, происходящие в обществе, всё-всё подчинено ритму. А что касается человека и общества, вспомним, какой всплеск интереса к литературе, к поэзии, в частности, был, например, в 20-е годы ушедшего XX века, когда какие-то предприимчивые люди строили клубы, кафе и... устраивали литературные вечера, где выступали поэты, теперь всемирно известные, многие из них – великие. Наши соотечественники: В.В. Маяковский, С.А. Есенин, А.А. Ахматова, М.И. Цветаева... даже небесный А.А. Блок, уж такой не любитель выступать на публике...

То есть, в данном (да, как и в любом) случае, литература, вторгнувшись в жизнь, стала самой надёжной её (жизни) защитницей. И поэзия в том числе. Обратите внимание, когда дело чуть-чуть стабилизировалось, возникала новая проза, пытаюсь объяснить поэтовы дела и потом всю славу брала на себя. А поэт уже сработал, сделал своё дело. Он написал стихотворение, песню, гимн, наконец, он сотворил то, что "завело" всё общество. И это ли не его работа?

Общество должно понять, что поэт не понимает повелительных интонаций, а, если они исходят от природы, то что ж – он сам природа, он так же точно мыслит, как природа... Выше поэта, в самом высоком пони-

мании всего сущего, может быть только мать-природа или тот, кто её создал... И идут волны, и идут ритмы, а вслед за ними и рифмы, заставляя нас запоминать слог к слогу, слово к слову, фразу к фразе... А как иначе можно что-то запомнить? Программа задана. А потом – спад. Повзрослели, наелись, детей вырастили. Не поняли, что взлёт не за ними. Но что-то держит. Самые умные поняли – отпустите, дайте и им... Да, берите! И снова куют цепи! Да сколько можно? Да сколько возможно!.. И любовь к этим самым любимым и жестоким.

Ещё волна или волны. В 40-е много чего было сказано литераторами, но явились поэты, хоть и из жизни ушедшие, но напомнившие о себе "лица не общим выраженьем"... В годы Великой Отечественной войны, опять же, явление новых ярких имён... Потом спад...

Затем, в 60-е годы поэзия стала делом всеобщим, имена поэтов знали все. Волна катилась от московских Лужников и Политехнического до нашего Владивостока и дальше. Стихи писали все. Помню, я, закончив университет, пришла работать в отдел экономики тогдашнего сибирского отделения академии наук, что называется с корабля на бал, а там, в мой первый рабочий день, был у кого-то день рождения и умные люди, учёные, кандидаты и доктора наук подписывались под поздравительными стишками, сочинёнными кем-то из них. Со мной в это время беседовал учёный, экономист, руководитель отдела, потомственный москвич, умнейший человек, Петр Васильевич Тарасов. Запомнила бы я его в другой ситуации, не знаю. Но тут ему поднесли бумагу с текстом и он, прочитав, гортанно засмеялся и сказал: "Ну не надо, ну вы не умеете писать стихи, я этого подписывать не буду." И тут же мне на радость продекламировал замечательные, всем известные строки С.Я. Маршака и сказал: "Ну, занимайся каждый своим делом, стихи они пишут..." Зарифовать свои мысли, то есть придать им законченность, людям хотелось всегда, но не все становятся поэтами, истинных же мы помним и то, что сами сказать не можем, восполняем уже сказанным ими. Новый виток любви к литературе возник у нас с началом перестройки, когда, словно шлюзы открылись и потекли быстрые воды – то, что было скрыто от глаз вдруг хлынуло на страницы газет и журналов. Этой волной прибило к нам всех когда-то знаменитых, теперь забытых художников слова, но, как известно: нет ничего нового под луной – все всё когда-то слышали (это к тому, что идеи витают в воздухе). Да в том то и дело, что они не забыты. Другое – как надо было перерабатывать себя, чтобы понять, что "Собачье сердце", присланное мне из Ленинграда подружкой, перепечатавшей всю повесть на ужасно плохой машинке, не миф, не пасквиль, а гениальное литературное произведение... Идеология – дело страшное и надо быть первобытным (читай – самобытным), чтобы суметь не поддаться ей. Но поэты!.. Они поддаются?.. О волнах, о ритмах.

Тот спад интереса к литературе, который последовал за перестроечными годами, вызван ещё и технологическими инновациями. Думать, мыслить трудно, а, вот, кнопки нажимать легко и приятно. С эпохой компьютеров уменьшилось число самостоятельно думающих людей, зато увеличились возможности делать из людей роботов...

Нам трудно согласиться стать почвой для других, может быть не самых лучших особей в этой вселенной. Но согласиться надо, то есть надо принять этот порядок вещей, да, один уходит, другой приходит. Рано, поздно, но приходит. И, кстати, если приходит раньше времени своего, ему же хуже – не понят никем (М.Ю. Лермонтов). И, вот, в японской поэзии, а это всё от менталитета нации, очень хорошо видны эти мотивы, то есть, повторяю, безумная любовь к жизни, понимание того, что самое лучшее золото это я и мой народ – нация, и философичная грусть по поводу того, что все мы уйдём...

Но останется витать в воздухе мысль заданная... Останется и поэт, который, как Бог, творит из ничего...

Литература

1. Астон В.Г. "История японской литературы". Перевод с английского. Книги I-V. Издание Восточного института. Владивосток, 1904.
2. Астон В.Г.. "История японской литературы". Перевод с английского. Книги VI-VII. Издание Восточного института. Владивосток, 1904.
3. Божественный ветер: [сб.] М.: АСТ: Ермак, 2005. 653 с.
4. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы: Беседы о человеке в компании птиц и зверей. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 208 с.
5. Камикадзе: пилоты-смертники. Японское самопожертвование во время войны на Тихом океане Смоленск: Русич, 2001. 528
6. Ларичев В.Е. Прозрение.: рассказы археолога о первобыт. искусстве и религиоз. верованиях / В. Е. Ларичев. М. : Политиздат, 1990. 222
7. Можейко. 1185 год. Восток-Запад. М.: Наука. 1989. 524 с.
8. Сапелкин А.А. Рассказы о языках для будущих полиглотов. Владивосток. Комсомолка ДВ. 2004. 147 с.
9. Соколова-Делюсина Т. От сердца к сердцу сквозь столетия. С. 5-42. // Японская поэзия. С-П.; "Северо-Запад". 1997. 662 с.
10. Соколова-Делюсина Т. Странствия в поисках поэзии. С. 5-26. // Мацуо Басё. Избранная проза. С-П.; Гиперион. 2000. 288 с.
11. YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=DEkqLqnuMq4> [Дата обращения: 22.11.2009 г.]